

Николай БОЙКОВ

Дом
на волне...

Пьесы

Николай Бойков

Дом на волне... Пьесы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9363268

ISBN 9785447403805

Аннотация

В книгу вошли две пьесы: «Дом на волне...» и «Испытание акулой». Условно можно было бы сказать, что обе пьесы написаны на морскую тему. Но это пьесы-притчи о возвращении к дому, к друзьям и любимым. И потому вполне земные.

Содержание

Дом на волне...	5
Действие первое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дом на волне...
Пьесы
Николай Бойков

© Николай Бойков, 2016

Редактор А. Быстрова

ISBN 978-5-4474-0380-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дом на волне...

(пьеса в 2-х действиях и 16-ти картинах морской жизни)

Тексты песен и стихов Н. Бойкова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Капитан, Александр Павлович, 45—50 лет.

Дед, старший механик, Григорий Мартемьянович,
сверстник капитана.

Радист-старпом.

Веничка, Вениамин Васильевич, штурман с косичкой.

Боцман, Гена, 30—40 лет.

Кокша, Катерина Сергеевна, 35—45 лет.

Гриша, моторист.

Вахтенный матрос, молодой Иван Иванович.

Степа, механик-баянист.

Люба, героиня без паспорта.

Герои и лица в сценах второго плана:

Элизабет, кореец, хохол, моряки-рыбаки, музыканты
из бара.

Женщина из писем и фантазий капитана, музыка и песни.

Действие первое

КАЮТА КАПИТАНА.

Рабочий стол, капитанское кресло, диван, шкаф и две книжные полки судовых документов и книг. Играет тихая музыка – романтические мелодии на саксофоне. Входят, продолжая разговор, капитан и старший механик.

Капитан (*привычно опускаясь в свое кресло.*) Присаживайся, дедуля. Расслабимся, пока есть время. (*Регулирует звук и вслушивается в мелодию.*) Вода? Кола? Виски не предлагаю. Чай-кофе?

Дед. Спасибо, нет. Посидим минутку. Расслабимся. Мы слышали, как дышит океан!

Капитан. Расслабимся? Ты видишь, что здесь написано моим умным предшественником? (*Показывает пальцем за плечо и цитирует.*) «Кресло капитанское – эшафот. Путь к нему – только вверх. Опора его – одиночество». И это – верно. Чем выше должность, тем меньше вокруг друзей и искренности. Хорошо, что у меня есть ты, дедуля?

Дед. Ты что, капитан? Какой между нами счет? Мы – кто? Люди моря – на воде стоим, по воде ходим. Нельзя нам о жизни серьезно. Моя философия – ветер!

Капитан. Конечно, нельзя. Потому читай ниже.

Дед (*читает вслух.*) «Слава богу, мне хватило ума прожить мою жизнь глупо. Фаина Раневская». Та самая артист-

ка?

Капитан. Та самая.

Дед. Сильная женщина! Ты приписал?

Капитан. Я.

Дед. Учись! Время – великий клоун. Цирк, можно сказать. Только – в городе за просмотр деньги платят, а в море у нас одна монета – Время! Время собственной жизни. Полгода – рейс! Два рейса – год! Расплачиваемся. *(Кивает в иллюминатор.)* Тунис в иллюминаторе! Причал из прошлого века.

Капитан. Вчера мы играли в футбол на прибрежном песке, из которого торчали развалины Карфагена. Какая арена! Ей – две тысячи лет! Какие декорации! *(От собственных слов капитан приосанивается и играет голосом.)* Местные мальчишки несли нам в пакетах молодое вино – солнце последнего урожая, дедуля! Нам?! Актерам времен Одиссея и лунных спутников!

Дед. Я понял тебя: мы пили вино, как будто мы пили Время! Наше Время. Мечта!

Капитан. Кто может сказать – наше Время? Чье? Мы пили за причалы Бизерты – последний приют российского флота столетней давности. За русские могилы на местном кладбище.

Дед. За русскую бескозырку с надписью «севастопольский экипаж» на голове мальчишки-водоноса. Вот бестия! А может – он правнук русского матроса? Ему лет двена-

дцать...

Капитан. Крепости – лет шестьсот-восемьсот? Бескозырке – девяно... сто. Крикам муэдзина над крышами – африканская ночь. Нам с тобой – вечность... *(Оба, на диване и в кресле, улыбаются как два ласковых змея.)* О, женщины Туниса! *(Театрально играет голосом.)* Гордые матроны Великого Рима, выбирающие гладиаторов... Или – нас с тобой? Женщины ходят по улицам города, будто гуляют из первого тысячелетия во второе, из второго – в третье...

Дед. Как москвички в Ялте! А что им сделается?!

Капитан. И какая им разница – где они?! Страна, год, цивилизация – все им пустяк. Женщины! Это мужику надо думать и помнить: кто он? Потянет – не потянет?

Дед. Ну, и логика у тебя, капитан!

Капитан *(продолжая с азартом и пафосом театрального.)* Царица Востока и госпожа моего сердца! Табун диких кобылиц! Бледнолицые креолки! Темнокожие голубоглазки! Босоногие или в сандалиях! В броских одеждах европейских городов или в длинных халатах пустынь...

Дед. Уличный ветер катит по песку чью-то белую шляпку...

Капитан. Шляпку? Какая шляпка? Верблюдица блудливая с глазами навывкат! Булькающий вулкан на крутых бедрах. Какую ей шляпку? Это – Африка!

Дед. Фурия – с черной ноздрей и лихорадкой танцующих ног. Лошадь свадебная! Бездна раздвинутых мощно копыт...

Готова взлететь или сесть на асфальт. Ха! Вопросительным знаком хвоста!

Капитан. Спокойнее, друг мой. Не будем так плохо. Ты – нежно скажи! Женщины Туниса... Ласково... Немое кино в душном зале... Ветер платков и стремительных юбок. Солнце и время – остановились. Взгляды – надменные или игриво потуплены. Любопытны, скромны, безразличны, крикливы – как жаркое марево миражей над раскаленным песком.

Дед. У-ух, женщины! Яркие змейки укрытых тканями рук и пальцев – в змейках украшений из африканского золота. Тень желтого солнца в оранжевой пустыне...

Капитан. И все эти женщины – я же их насквозь вижу! – подглядывают за мной... Я их чувствую. Я их – люблю даже? У-ух! Как глаза моей стервы домашней.

Дед. Домашней? Ну, ты даешь! Ты перегрелся или переволновался, капитан. Это потому, друг, что нам привезли дыни. Ты видел эти дыни на палубе? Ты слышал их запах? Тунис, солнце! И дыни! Дыни – всему виной, капитан! Когда привезли их и выгрузили на палубу – женским веером взмахнул по пароходу этот аромат. Не запах... *(Отрицательно водит перед грудью указательным пальцем.)* Аромат! Запах – это когда лет тридцать назад нас, курсантов, вели строем, морозным осенним утром, из казармы в училище мимо пирожковой, и кто-то из строя закричал, дурашливо зажимая пальцами нос: «Тетка! Закрой форточку! Запах пирожка по ули-

це гуляет – кушать хочется...» А дыни – аромат. Дыни – колдовство и наваждение! Огромные. Круглые. Оранжево-желтые. Притягивающие взгляд... А разрежали первую – сочная! Липкая! Сладкая! Как – женщина! Сразу все заулыбались, расслабились, глазки заблестели. Мысли, слова, приятные ассоциации – не побежали, а потекли, подобно медовому соку, по губам, пальцам и по широкому ножу, уже вскрывающему тайны второй красавицы. Звучит шутливое: «Гюльчатай, открой личико...» ...Вспомнилось есенинское, «Шаганэ, ты моя, Шаганэ...».

Капитан (*напевая и подыгрывая.*) «В том саду, где мы с вами встретились...» И, конечно: «Если нравится флот красавице, никуда от нас не уйдет...».

Дед. Такая волна душевного смятения и беспокойства...

Капитан. Руки тянутся к биноклю (*смешиливо хлопает ладонями по пустому столу, будто ищет окуляры*) оглядеть еще раз набережную и балконы домов на противоположной стороне бухты в надежде увидеть силуэт, гордо посаженную головку в платочке, легкую походку...

Дед. Женщины! Как вы нужны. Как желанны. Как мучительно далеки... Как легко вспоминаем вас, даже... глядя на дыни! Домой нам пора, домо-оой!

Капитан. А не нравится мне, когда по сладко расслабленному воображению моему отстучит телекс, пальчиком по височку: «...максимальной скоростью следовать Одессу (Керчь, Туапсе, Севастополь...) предъявления Регистру ...

частичной смене экипажа...». Не люблю я преждевременные заходы в родные порты, да еще – с частичной заменой экипажа.

Дед. Это точно.

Капитан. Ведь что получается? Только все мы притерлись в нормальном море, успокоились между вахтами, прикачались от качки, уравнились, можно сказать. Без женщин...

Дед. Одна повариха на борту, а уже и на нее поглядывать стали.

Капитан. Повариха на борту – не женщина: кок, кокша – член экипажа.

Дед. Вот и я говорю: кок, а не женщина. А на дыни посмотрю – женщина. Капитан! Капитан, успокойся. Все. Все нормально. Устаканились. *(Пауза под взглядом капитана.)* А что, капитан? Что ты так смотришь на меня? Устаканились! И это – оччень морское слово!

Капитан. Ладно. Устаканились. По глоточку. *(Достает и наливает в стопочки.)* Меж морем и небом... За нас!

Дед *(улыбаясь.)* Мы тоже чего-то стоим... И огурчиком с хлебом... *(нюхает воздух из иллюминатора.)* Африка!

Капитан. В порту пить – это как перед гаишником подставиться. В море выйдем – там наши правила и права. За море и удачу. А сейчас – думать! Каждую минуту – до прихода домой – думать и гадать... Что кого ждет в родном порту? Как кого встретят? Дома ли. В конторе. Кого про-

водят в отпуск?

Дед. Кому дома выставят чемодан на лестничную площадку...

Капитан. Кого из нас спишут на берег? Кого пришлют на замену? Как долго мы будем настраиваться снова на рейс, на работу, на наше взаимное – на борту и вместе. (*Тревожно смотрит сквозь стекло иллюминатора на причал.*) Куда все побежали вдруг?

Дед. К ближайшему береговому телефону – звонить домой, предупреждать, радовать, успокаивать... Готовить почву, типа: «Любовника – за дверь! Окурки и чужие носки – в мусорное ведро. Детей – помыть, переодеть и отправить к бабушке. Самой – в парикмахерскую и на рынок! Встречайте оркестром, цветами и ванной!».

Капитан. Цветы можно заменить на «огурчиком мало-сольным», – очень люблю, а оркестр – на две рюмочки с поцелуйчиком... Где Веничка-маг? Гадает? Опять гирокомпас полюса перепутает и получится у нас как в той старой морской песне: «Мы шли на Одессу, а вышли к Херсону...»

Дед. Веничка нагадал на переход нам, до самых родных берегов, белые простыни – к чему бы это?

Капитан. Белые простыни? Мама моя говорила, что белое во сне – это хуже, чем три невесты на одной свадьбе. Где боцман?

Дед. Боцман? На месте, к отходу готовится. Минуту назад его видел (*оборачивается в коридор и кричит громко.*)

Старпом! Радист-артист! Где боцман?

Радист-старпом (*вырастая в проеме двери и выпячивая худую грудь.*) Разрешите, товарищ капитан? (*Поворачивается в сторону старшего механика.*) Я – старший помощник! Да – бывший радист. Артист – это только капитан сказать может, или – по вдохновению, когда сам я того пожелаю (*капитану.*) Докладываю, капитан! Боцман убежал звонить домой. Жена у него совсем на связь не выходит. Раньше на судах были настоящие радисты – радист все знал и всех мог привести в меридиан. Если надо было – мог причину придумать и успокоить страдальца. А теперь – новые технологии, спутниковая связь. А спутниковая связь, скажу прямо, предательская. Номер набираешь и слышишь сам, как скрипит кровать дома или пыхтит малыш на горшке. А хорошо ли это? Инфарктов стало больше. Разводам нет числа. А радист был хранителем семейных тайн и вдохновителем счастья! В море – семейное счастье должно быть дозированным. Иначе – крыша (*показывает на собственную голову*), не выдержит. Зря нас переучивали на штурманов...

Дед. Хороших радистов в плохих штурманов – инновация!

Капитан. Не отвлекаться от темы! Радист. Артист. Вдохновитель и Купидон. Все сказал правильно. Молодец. А теперь в словах своих старайся соответствовать должности старшего помощника. Как будто ты играешь роль на сцене, ну?!

Радист-старпом (*улыбается и выпячивает грудь.*) Р-рад стараться, господин адмирал!

Капитан (*не обращая внимания.*) А через полтора часа прибудет агент с документами на отход, и мы будем сниматься на Одессу. Что я требую от старшего помощника?

Радист-старпом (*грудь колесом, глаза навывкате.*) От младшего помощника – исполнительность. От второго – предсказуемость и надежность в работе и отдыхе! От старшего помощника – организованность! Старпом, который сам себя организовать не может, никакую службу организовать не способен.

Капитан. Вольно! Молодец! Действуй! Мои аплодисменты.

Дед (*наклоняясь через стол и говоря душевно.*) А что требуется от капитана?

Капитан. От капитана? (*серьезно.*) Умение видеть главное и не отвлекаться на мелочи.

Дед. А что есть мелочи в море, капитан?

Капитан. Вчера – трезвый экипаж в конце рейса: взрывоопасно. Сегодня – трезвый экипаж из города: подозрительно. Завтра? Завтра, может быть, настроение повара – от этого вкус пирожков на завтрак вызывает тоску по дому. В море – мелочей не бывает. Поэтому капитаны – как акулы – спят одним глазом: одно полушарие спит, а другое бодрствует. Знаешь?

Дед. Поэтому на флоте завели адмиральский час: чтобы

капитаны спали на один час больше, да?.. А машина работала на полтона тише, да? (*Улыбается и кладет ладонь на грудь, вставая с дивана.*) Я же от всего сердца, капитан, поспи полчаса... А я пошел к дизелям. Пора поршня раскачивать на главном.

Капитан. Шевели, дедуля, шевели. Механический ты мой! В сторону дома и собака быстрее бежит. Хорошо?

Дед. Хорошо бы хорошо. Только не слишком ли рано мы в эйфорию возвращения домой впали? Еще неделя впереди? Торопиться не надо? Механика знает усталость металла – наука целая! (*Оборачиваясь.*) Да? Я тебе говорил, что сказать тебе что-то должен? Ладно – потом скажу, позже. Напомни мне, если забуду. Слушай, эти дыни, как женщины под чадрой: тайные-тайные, сладкие-сладкие. Эйфоррия!

Капитан. Не эйфория, а фурия, говорю я тебе! Не опоздай со своей новостью, а то придется тебе менять квалификацию: из моряка-механика в базарного спеца по дыням.

Дед. Успею, капитан. Не отвлекайся от курса, и дыньку – попробуй! Раскачают они покой наш, чувствую. Ох, они...

Капитан. Кто – они?

Дед (*выходит из каюты, напевая.*) Красотки, красотки, красотки кабаре...

Капитан. Да, дыни... Сколько хороших мужиков море свое потеряли – из-за женщин... А как поддержать? Какими руками? Где это дерево поближе – кругом одно железо?! (*стучит по голове пальцем.*) Чтобы не сглазить...

Кокша. К вам можно?..

Капитан. Заходите, доктор.

Кокша. Почему это я доктор? Я – повар.

Капитан. Я фигурально выразился: от ваших пирожков и борща с пампушками, Катерина Сергеевна, наше здоровье, настроение, улыбки и работа – все от них складывается. Я заметил: с того дня как вы у нас появились – на обед и с обеда все идут улыбаясь. Так кто вы в экипаже? Доктор и правая рука капитана.

Кокша. Красиво говорите, Александр Павлович. А я пожаловаться хочу. Этот радист, который старпом, – насмешник просто. Вчера он назвал меня Крошка. Крошка, говорит. А сам на мою талию смотрит.

Капитан. Так это он комплимент вам делает!

Кокша. Комплименты наедине женщине делают.

Капитан. Нет, Катерина Сергеевна. Может, вам бы хотелось наедине. Но я, например, как капитан, всегда следую старому морскому правилу: ругаю виноватого наедине с ним, без чужих ушей-глаз, а хвалить стараюсь, комплимент делать, благодарить – это при всех, чтобы все слышали, чтобы виновнику торжества от этого «при всех и громко» еще приятнее стало. Крошка, говорите? А что – мне нравится. Очень идет вам: статная, красивая, большая женщина – королева!

Кокша. Что-то я вас не поняла, товарищ капитан. Говорили: при всех, при всех комплименты делаете. А сами – наедине? Ухаживаете, что ли?

Капитан. Извините, Катерина Сергеевна. Дыни на палубе аромат пустили – мужиков на сладкое тянет. Извините. Если у вас все – мне на мостик надо.

Кокша. Это вы меня извините. По пустякам отрываю. Только, мне кажется, посторонние у нас на борту появились.

Капитан. Какие посторонние?

Кокша. Я не знаю. Только никогда такого не было, чтобы я оставляла что-то для вахты в холодильнике, а кто-то съел.

Капитан. Когда?

Кокша. Сегодня ночью.

Капитан. Может, ребята отмечали что-нибудь и взяли загрызть.

Кокша. На закуску – это я всегда найду. Все знают. У меня – как дома. Что же я мужика не пойму, когда ему в каюте по-человечески хочется? А тут кто-то чужой, явно. Наши «от вахты» не оторвут. Моряки.

Капитан. А эти – чужие – не моряки?

Кокша. Раз воруют – не моряки.

Капитан. Вы кому-нибудь говорили?

Кокша. Разве я дура? Я же понимаю. Если кто по глупости – зачем шум поднимать? А если чужой на борту – осторожно надо. Мало ли кто: террористы, беженцы, разносчики всяких болезней...

Капитан. Бдительная вы, Катерина Сергеевна. Идите пока к себе... Что-то еще?

Кокша. Проводите меня до каюты, Александр Павлович.

А то я боюсь одна.

Капитан. Вы что, кок-доктор? Правая рука моя! Чего вы так смотрите?

Кокша. Боюсь. Честно. Коридоры пустые. В столовой — никого.

Капитан. Хорошо. Пойдемте.

Кокша. Спасибо, что поняли. *(Выходят из каюты.)*

*ТРИ ЧАСА СПУСТЯ. Каюта капитана. Продолжение...
С палубы доносятся звуки баяна и песни:*

Качает наш дом на веселой воде,
Летят из трубы облака
Куда нас несет? Остановит нас — где?
Никто не ответит пока.
О встрече далекой ты просто забудь —
От борта до борта качает звезду...

Капитан. Это кто поет? Степан?

Дед. Степан. Хороший третий механик попался, и человек — молодец.

Капитан. Слава Богу, вышли из порта, оторвались от берега... Ишь, как хорошо покачивает. Это, дед, повезло нам. Каждый раз, когда новый человек приходит, думаю: что лучше? Хороший специалист, но человек — так себе, или специалист зеленый, а человек — золото.

Дед. С лица воду не пить, песней гайку не крутить.

Капитан. А все-таки: захочет — научится, приработается, а если гнилой человек, то всем плохо.

Дед. Ясное дело: с дерьмом свяжись — сам дерьмом станешь.

Капитан. И всегда, заметь, лучшие спецы на другие суда попадают, а нам работать и выживать приходится с теми, кто на борту.

Дед. А вернемся домой — окажется, что эти молодые-зеленые — самые золотые и ценные.

Капитан. Потому что — наши. И море нас любит. Наше место и наши правила. Давай, по глоточку, за дорогу домой... За дом, пусть им сладко икнется...

Песня.

Качает наш дом, а под ним глубина

И стаи кочующих рыб...

Отсюда родная земля не видна —

Родным здесь мне ветра порыв.

Такой же, как в нашем вишневом саду...

От борта до борта качает звезду.

Капитан. Давай, дедуля! За то, чтобы мы узнавали друг друга на улице. Какие новости в экипаже? Как отдыхали ребята? Что покупали? Что пили в баре? Что там с боцманом? Мне показалось с мостика, что концы швартовые на баке тянул — как нитки рвал. Или показалось?

Дед. Радист-старпом уже все разведаль – раскатал нашего боцмана на полную осознанку. Старпом из радиста еще никакой, но с народом контакт умеет наладить. Претензий нет. Пошел боцман на чистосердечное. Говорит: домой не дозволился... С соседкой разговаривал... Жена его с каким-то мужиком живет, соседка сказала...

Капитан. Соседка сказала, это еще не факт. Мало ли что в жизни бывает?..

Дед. А он поверил.

Капитан. Ну и дурак.

Дед. Дурак не дурак, а оказаться на его месте никому не пожелаешь.

Капитан. Это верно.

Дед. Теперь все зависит от того, как он сам себя поведет. Во-первых, ему надо до нее дозвониться...

Капитан. Это не во-первых и, даже, не во-вторых. Потому что до нее можно звонить и звонить, а ее то ли дома нет, то ли еще что... Может и хорошо, что не может дозвониться. Может, она и сама не знает еще, что с ней действительно происходит и как дальше быть, и что мужу ответить. Встретятся – разберутся! Поэтому главное сейчас – ему – не потерять себя! Крыши у нас у всех, после шести месяцев рейса, как паровые клапана, на подрыве. В работу ему надо. Ни минуты перерыва. А звонить он, конечно, будет. И дай Бог...

Дед. Может ему погадать?

Капитан. Скажешь еще...

Дед. А что? И это не исключено. Если он так легко поверил, значит легко поддается внушению, а значит, если правильно все подать – он во что хочешь поверит.

Капитан. А во что надо? Ты знаешь, что там действительно произошло? К чему боцману готовиться надо? Чего ему пожелать?.. То-то. Хотя, чем черт не шутит?

Дед. Гадальщик у нас есть – Веничка с косичкой. Он ему так мозги высушит, что боцман имя свое забудет. Веничка сам не женат, правда. Это – вопрос. Ответ: считает, что женщины питаются мужской энергетикой. Сам на себя гадает ежедневно. Без этого на вахту не выйдет. А если, не дай Бог, в пятницу или понедельник в море – беда! На эти дни особый амулет есть – засушенные в целлофановом пакетице крылышки майской бабочки.

Капитан. Дожили! Кто в моряки идет...

Дед. Не скажи, капитан. В море мы все – с приветом. То, что Веничка без юмора, это, конечно, опасный сигнал. На море без юмора нельзя. Помнишь, когда радист-старпом на мостике шутил насчет необходимости «мужского размагничивания» в море – имелось в виду: как мужику без женщины выжить? Обычный морской треп про буфетчицу, секс-журнал, бордель... Веничка подошел к вопросу серьезно: сделал себе металлический браслет на руку, на ночь вывешивал в иллюминатор присоединенный к браслету медный провод. То же самое на вахте: раз в час выходил на крыло и свешивал провод на несколько минут за борт, до самой во-

ды. Размагничивался...

Капитан. Ну, на этот счет мы все раз в год задумываемся. А Веничка, надо сказать, по натуре – добрый. Воспитанный. Маму называет маменькой, а ему за сорок.

Дед. Добрый. Воспитанный. И с боцманом они корешуют. Помнишь, на переходе из Дакара на Англию, когда пошел кочевать по судну – с вахты на вахту, из машины на мостик, с мостика на палубу – треп о степени защищенности мужского организма в смысле сохранения мужской силы? Диспут. Кино. Ток-шоу. Махабхаратта какая-то. А по сути – серьезно. Механики мои, ребята башковитые, решили определенно, что любой организм, мужской или женский, устроен как машина: главное – не останавливаться. С возрастом – особенно. Остановился – труба. Любой шофер знает, что машина работает – пока едет. Останавливаться – нельзя! Но Веничка с боцманом – аккуратисты. Для одного – навигационные приборы гонять строго по регламенту и ни минуты больше – ресурс! Для другого краску класть в два слоя и растирать – для экономии! Короче – счет вести надо и «не превышать!». Отработал свое – суши весла. Может, боцман и дома эту философию проводил – сэкономил ресурс? Может оттого все и случилось? Женщины, – у них другой счет.

Капитан. Какой?

Радист-старпом (*стучит в открытую дверь.*) Прошу добро!

Капитан. Добро, старпом. Входите. Что у вас?

Радист-старпом. У боцмана крыша поехала... Слезы текут. Головой в переборку бьется. Бред какой-то несет...

Капитан. Пьяный, что ли?

Радист-старпом. Трезвый! *(восклищает и разводит руками, подчеркивая собственное непонимание.)* Все о жене своей плачет... Никогда от него такой реакции не ожидал. Валерьянка не помогает.

Дед. Никто от этого не умирал еще. *(Почесывая бороду и ухмыляясь.)* Если к другому уходит невеста *(напевает)*, то не известно кому повезло... *(Опять чешет горло и бороду.)* Придет домой. С ресурса своего тормоза снимет, и все станет на место... *(Подмигивает цифру и продолжает серьезно, обращаясь к капитану.)* Когда грузовые танки мыть начнем?

Капитан. Сразу после ужина. Пока погода позволяет. У нас двое суток на мойку, до Греции. А там, между островами и в проливах, опять же, дай Бог погоду, начнем краситься...

Дед. Нам вспомогач перебрать надо. И один шланг на гидравлике крана сифонит.

Радист-старпом. Надо аварийное имущество проверить на приход.

Капитан. Вспомогач, гидравлику, аварийное имущество – это все вы лучше меня знаете и сделаете. Но самое больное наше место – на сегодня – боцман! Первый закон моря: с кем ушли – с теми и вернуться. Всем и здоровыми! Поэтому – ему – ни минуты без чьей-то компании. А зна-

чит, если сможет он работать – хорошо, а не сможет – мы не одного, а двух людей в работе не досчитаемся, потому что за боцманом тогда еще и приглядывать надо будет. А что – сиганет за борт? Икнется нам тогда его любовь...

Радист-старпом. Дела... *(тянет с неудовольствием.)*

Дед. Дела *(поддакивает, подмигивает и опять напевает.)*
Если к другому...

Капитан. Есть у меня родственник, очень далек от моря, в станице живет, так он, когда бы к нему ни приехал – кроликов ли он кормит, о гусях ли своих говорит, корову ли в стадо гонит или выезжает на тракторе в поле – встречает меня одним и тем же вопросом: «Ты мне объясни, что может мужик на этом вашем корабле целные сутки делать? Ну, работу свою или как она там называется...» – «Вахта». – «Во-во, вахта. Ну, поел. Поспал. А более что? Это же с ума сойти от безделья?!» – «Так и сходим с ума». – «От безделья?» – «Ага». – «А вам за такое лентяйство еще и деньги платят?» – «Ага». – «Так ты поделись опытом, или как это назвать – не придумаю даже. Может и я тут, на селе, этой методой заработать могу?..». Как объяснить? Что? Теперь вот шесть суток до дома одна забота – боцман и его проблемы. Ночью и днем. До самого причала. А стоять вахту, мыть танки, красить надстройку и перебирать вспомогач в машине – это, как пить и есть, само собой... Так, друзья мои, я на мостик. Не смею задерживать. *(Все выходят.)*

НОЧЬ. ХОДОВАЯ РУБКА.

Судно идет на авторулевом. Капитан на правом борту в кресле. В иллюминаторы хорошо видно ночное море. Луна. Одинокaя туча над горизонтом. Судно мерно раскачивается. Иногда слышно как где-то впереди, под баком, стучает якорь.

(Входит радист-старпом.) Докладываю, капитан: закончили мыть танки моечными машинками, ушли мыться в душ и отдыхать до утра.

Капитан. Боцман как?

Радист-старпом. Работал. Ушел со всеми. Моторист от него ни на шаг. Вместе ушли на бак якорь в клюз подтянуть и проверить по штормовому.

Капитан. Спасибо, чиф. Подождите, когда вернутся с бака, и можете отдыхать.

Радист-старпом. До вахты четыре часа. Успею. Я пошел, Александр Павлович?

Капитан. Добро, чиф. Спокойной ночи.

Радист-старпом. Спокойной вахты. *(Уходит.)*

Капитан. Добро... *(мысленно, говоря сам с собой).* Вот и боцман с мотористом с бака возвращаются. И якорь биться перестал. А зыбь усиливается. Ночь. Низкая облачность. Звезд не видно.

Вахтенный матрос *(продолжая наблюдать за морем и обстановкой.)* Что вы говорите, товарищ капитан?

Капитан. Это я так. Молодость вспомнил. Чтобы ночью

не уснуть на вахте, я вслух проговаривал все, что видел, например: бак обозначен белыми струями усов из пенисто взрезанных волн, длинно вытягивающихся вдоль обоих бортов. Видите? Звука нет. На экране радара две малоподвижных цели в шести милях к северу, очевидно, рыбачки. Обычно, при хорошей видимости, их кормовые огни на слипах проблескивают миль за шесть-восемь, а когда на лов выходят десятки мелких судов, то промысловые банки в заливе светятся маленькими городами. Но это не сегодня.

Клочья тумана или низких облаков выплывают из черноты ночи и снова пропадают в ней, молчаливо-лохматые. Эфир молчит. Ровно жуужжит гирокомпас. И, слабо подсвеченная, бежит по кругу стрелка на штурманских часах.

Вахтенный матрос. Я понял. Это как акын поет про все, что видит.

Капитан. Акын? Да-а... В мои молодые годы так капитану не говорили, но, по сути, верно: «Капитан-акын и мелодии моря»... Это у вас первый рейс?

Вахтенный матрос. Первый рейс. В институт не захотел – не хочу я менеджером, а теперь все – менеджеры. Хотя ты зубы дергаешь – зубной менеджер. Хотя ты песни пой – пенный менеджер.

Капитан. Какой-какой?

Вахтенный матрос. Пенный. От слова петь.

Капитан. Понятно. Песенный. А в море ты кто?

Вахтенный матрос. В море я – внук деда.

Капитан. Как это?

Вахтенный матрос. Можно рассказать?

Капитан. Мы в море. Двое на вахте. Наблюдение за морем – ведем. Авторулевой на контроле. Понимаешь. Тысячи лет до нас здесь проходили другие суда и экипажи, в такую же ночь, и так же рассказывали друг другу, будто доверяли, что у кого на душе есть. Рассказывай, внук деда.

Вахтенный матрос. У нас это семейное.

Капитан. Что – семейное?

Вахтенный матрос. Гвоздь.

Капитан. Гвоздь?

Вахтенный матрос. Гвоздь.

Капитан. Что можно сказать про гвоздь?

Вахтенный матрос. Дед уже давно умер. А в потолке, в нашем старом доме, вбит рядом с люстрой большой гвоздь, я раньше думал, что это не гвоздь даже, а костыль железно-дорожный, который в шпалу вбивают.

Капитан. В детстве все крупнее кажется. Дети видят мир чистыми глазами, и потому – выпукло и честно. Это – факт.

Вахтенный матрос. Я деда не помню. Бабушка рассказывала. Отец рассказывал. Как ждали деда из рейсов. Привозил он подарки. Уходил в рейс – заказывали, что надо купить: жене, детям, родственникам, соседям.

Капитан. Так ты по дедовым стопам решил: моряк-коммивояжер?

Вахтенный матрос. Нет. Совсем не так. Не то случи-

лось. Стал дед мало возить, стали его уговаривать списаться на берег. Место нашли. И сам он, вроде как согласен был – решил попробовать без моря. Может быть?

Капитан. Может. И меня молодого наш капитан поучал: «Мальцы, не торопитесь домой, там каждое утро начинается «минусами – из вашего кармана. А на борту – совсем другое дело: на вахте ли, спишь ли, обедаешь, а каждую минуту, будто капает с неба в карман: плюс! плюс...». Но дома все-таки лучше. Пока деньги есть.

Вахтенный матрос. Вот и у нас, наверное, так было.

Капитан. И у тебя будет.

Вахтенный матрос. Проблемы?

Капитан. Проблемы типа «Папа привезет тебе из рейса вот такой паровозик», – уговаривает мама ребенка. – «А я не хочу паровоз. Я хочу, чтобы папа пошел со мною в кино. Сегодня!» – Торг. Торг затягивает детей. Дети сейчас рано понимают слово «купи!».

Вахтенный матрос. И у вас, товарищ капитан?

Капитан (*вопросом на вопрос.*) А у деда как получилось?

Вахтенный матрос. Он решил попытаться сойти на берег. Устроился в гастроном холодильщиком. Отработал он первый день, собрался домой, ему за отделом – сверточек, там – пара курочек: «Это вам, Гришенька, за работу...». – «Что вы, не надо...». – Не взял. На завтра – колбасу не взял. На третий день двое грузчиков отозвали в сторонку и сказали просто: «Морячок! Будешь выеживаться – лучше уходи

сразу. Сам. Понял?..». С детьми тоже не складывалось. Попробовал сыну помочь мотоцикл перебирать – выпроводил: «Ты, – говорит, – батя, все равно ненадолго. Иди уж, отдыхай. Я сам разберусь»... Дочь и того проще: «Ты, пап, скоро в море?» – «Не знаю, а что?» – «Да мне косметика нужна, хотела заказать, и девочки валюту спрашивали...». Хотел ремонт на кухне затеять, но жена сказала, что уже договорилась с двумя мастерами, сделают как у соседей, ей нравится: «Сколько лет без тебя обходились, – добавила. – Сиди уж. В домино иди играть». – Я потому рассказываю, как по бумажке читаю, что в доме слышал об этом миллионы раз. В домино во дворе дед играть не стал.

Капитан. Верю. Потому, наверное, что не было рядом с ним какого-нибудь верного напарника типа нашего боцмана или старпома-радииста... Они бы показали!..

Вахтенный матрос. Точно! Береговая жизнь не складывалась.

Капитан. Надо было ему куда-нибудь ближе к морю устраиваться – в порт, на причалы, на судоремонт. Роднее все-таки. Хотя, многое не так тоже. Море есть море. Недаром во многих странах, если больше пятнадцати лет проплавал, то даже твои показания в суде уже не действительны, будто ты в нормальных человеческих отношениях вроде как ненормальный. Не понимаешь чего-то. А как понять? Как понять, если ты эту сухопутную жизнь только по долларовой цене и знаешь.

Вахтенный матрос. Вот и дед дома на скандал наварлся: «Ты что выделываешься?! Ты чего это нас позоришь перед людьми? Честнее других быть хочешь?! Так из честности суп не сваришь! Шел бы в свое море тогда. Толку от тебя никакого. Квартиру без тебя получали, детей без тебя рожали, мебель без тебя везли... Гвоздя в этом доме ты не забил!!!». Отец мой тогда выручил: «Дуй, батя, куда-нибудь. Пусть остынут. Им тетка из магазина сказала, что кур не берешь, настораживаешь! А чего, правда, людей пугать? Обязаловка. Все – значит все. Хоть в карман класть, хоть в тюрьме сидеть, хоть дураком притворяться. Законы страны, как законы моря, батя? Соображай! Погуляй, короче. Я прикрою. Скажу: «Дед позвал...». В смысле – прадед мой – отец дед – он в море не ходил уже, слесарил на дому. По воскресеньям приторговывал мелочевкой на рынке: сантехника, ключи, гаечки... Был крепок. Осанку имел боцманскую, носил пышные белые усы и говорил важно: «Мы – Ивановы, делаю ударение на «а», – не юли чопиком¹. Не цепляйся за семью, сам на ногах стой твердо, чтоб она вокруг тебя прибоем кипела. Чтобы место твое было верным. А что не по-таковски живем, так вся жизнь – исключение, исключение из правил! Умереть должны, а – живем! Еще и улыбаться хотим. Потому, не за шмотками и подарками в море ходишь – за гордостью! Вот тебе гвоздь верховой, кованный квадратным телом,

---

¹ Деревянная затычка для заделки пробоин (выговор, взыскание); чопик – хитрец, подхалим (о человеке)

смотри на него, как на мой палец, и думай!». Вернулся дед домой. И забил этот гвоздь в потолке рядом с люстрой хрустальной: «Не смей трогать! Получали эту квартиру без меня, и мебель ставили без меня, и жили без меня, но благодаря мне и труду моему. И потому, чтобы честь мою в этом доме помнили!». И ушел опять в море. Дед мой – гвоздь был.

Капитан. Так ты, значит, внук моряка? Теперь и вахта легче пойдет. Как думаешь, Ваня? Иван Иванович? В честь деда, правильно понимаю?

Вахтенный матрос. А как вы догадались?

Капитан. Продолжай вахту деда, Иван Иванович. Все у тебя получится.

Вахтенный матрос. Я, товарищ капитан, хочу стать настоящим.

Капитан. Настоящим? Это как?

Вахтенный матрос. Чтобы на меня положиться можно было.

Капитан. Надежным, значит?

Вахтенный матрос. Надежным.

Капитан. Получится, Иван Иванович! Только – не слишком серьезно: не советую – сил не хватит. А разбавить кофейком, чтоб веселее для глаз и полезнее для вахты – не повредит. Как думаешь?

Вахтенный матрос. Я согласен. Я сейчас... (*Улыбается в темноте.*) Смотрите, Александр Павлович, небо какое темное. А море: здесь – черное, а там – побелело совсем. По-

чему?

Капитан. Шквал идет. Позвони в машину, предупреди вахту...

МОСТИК.

Продолжение.

(Входит Веничка.) Добрый вечер! Разрешите заступить на вахту? О, как море побелело. Вот это будет ливень!

Капитан. Добрый! Разрешаю... Посмотрим, какой он добрый... Проверьте второй радар, шкалу дальности меньше сделайте... Что на горизонте? Никого?

Веничка. Никого. Облачность стороной проходит. Разрешите кофейку приготовить?

Капитан. Добро, помощник. Осваивайтесь. Кофе на вахте улучшает ночное зрение... Что там боцман – слезу не пускает?

Веничка. Утомился. Затих. Смотрит в одну точку. Ребята пробуют его разговорить, но он, как в трансе. Не видит и не слышит. Может, это его психика защищается от перенапряжения и отключила восприятие? Я читал о таких случаях.

Капитан. Дай-то Бог. Но я, лично, после столь бурной первой реакции боцмана, не очень верю в прочность его психики. Боюсь, нам следует за ним присматривать. И вы, Вениамин Иванович, тоже подумайте. Ведь вы у нас кто? Маг. Кудесник. Духовная защита. Вы уж придумайте что-нибудь.

Боцмана поддержите. Правда-неправда, меня не интересует. Важно, чтобы он свои силы вернул. В себя поверил.

Веничка. Я на картах ему погадать могу...

Капитан. На картах, на кольцах, на кофейной гуще – на чем угодно. Главное, повторяю, чтобы он поверил.

Веничка. Во что? Ведь, если она на самом деле к другому ушла...

Капитан. Ушла – так и Бог с ней. Жизнь на этом не кончается. Баб много. Это мужиков настоящих мало.

Веничка. А во что он должен верить?

Капитан. Что он – настоящий. Вот такой! Моряк! *(показывает вытянутую руку со сжатым кулаком.)*

Веничка. Я попробую...

Капитан. Я на вас надеюсь.

Веничка. На меня?

Капитан. На всех нас, дорогой мой. Все мы сейчас – как пальцы на одной руке.

Веничка. Я понимаю.

Капитан. Вот и спасибо. Спокойной вахты. Если что – я в каюте. Да, Вениамин Васильевич...

Веничка. Что, Александр Павлович?

Капитан. Извините, деликатный вопрос у меня... *(Выходят на крыло ходового мостика.)* Вы не слышали разговоров о посторонних на борту?

Веничка. А что, есть посторонние? А я-то думаю: почему пасьянс сегодня не разложился? Я пасьянс разложил на удач-

ное возвращение: экипаж известен – я на всех, кто по судовой роли...

Капитан. И что? Что не получилось?

Веничка (*шепотом.*) У меня людей больше получилось.

Капитан. Так. Может, пасьянс ваш предполагает встречающих? Тоже ведь с нами, можно сказать, срок отбывают?

Веничка. Как срок?

Капитан. Упаси Бог, Вениамин Васильевич! Хотя, конечно, в море мы все под дядей прокурором, а судовая роль – наш скорбный лист, если что с нами случиться.

Веничка (*шепотом.*) А что может случиться?

Капитан. Это, Веничка, агенты морские, во времена парусного флота, когда судно в море уходило – судовые роли по ящикам прятали. Говорили: от беды – для защиты судна и экипажа от морского сглаза. Чтоб не стал лист с именами экипажа листом поминальным и скорбным. Море. Все – под Богом. А более всего – друг от друга зависим. Какая в море главная статья безопасности, знаете? Отвечаю: не подставлять товарища. В море – спишь ли ты, кашу жуешь или о дынях задумался – кто-то за тебя отвечает. Кто? Тот, кто на вахте. Косточкой ли ты подавился, или на пороге споткнулся, или – хуже того – за борт выпал...

Веничка. Дела! Что-то ночь темная такая стала. И пасьянс не разложился. И дыни всех совсем замучили – совсем сексуальный у них вид, Александр Павлович. Каждая – как маленькая женщина перед тобой, покорная и ароматная. От-

того и посторонние.

Капитан. Какие посторонние?

Веничка. Так вы же сами спрашивали. И кокша говорила, что котлеты, которые ночной вахте оставлены были, исчезли из холодильника.

Капитан. Про котлеты я знаю. Думаю, кто-то проголодался.

Веничка. Может, боцман? Он нервничает очень, а от этого аппетит зверский – сам не заметишь, как быка за рога возьмешь и съешь.

Капитан. Быка за рога? Да, котлеты... Спокойной вахты.

Дед (*входя на мостик.*) Саш Палыч, я к тебе.

Капитан. Говори, дедуля.

Дед. Пойдем в каюту?..

Капитан. На крыло выйдем, не отрываясь от вахты. (*Вдали сверкают молнии, высвечивая обрывки туч и волны.*) Шквал идет. Что у тебя?

Минуту спустя. Продолжение.

Дед (*улыбается.*) Эка невидаль – шквал. Да мы их... Молчу-молчу, капитан. Есть две новости, сам понимаешь какие. Начну с хорошей. В Тунисе Веничка купил шубу, женскую. На продажу. Старпом-радист, в лучших традициях радистов флота, решил поиздеваться. Скучно. Сначала устроил демонстрацию для экипажа: вот какие шубы надо покупать женам! Целый день к Веничке в каюты ломился народ:

шубу вывесили для обозрения, особо уважаемым – мне, кокше и еще двоим разрешили трогать и один раз погладить. Шерсть искрила от удовольствия.

Капитан. Ближе к теме. Пойдем в каюту ко мне. *(Заходят в каюту капитана.)*

Дед. Не торопись. Продолжение будет завтра. Должны пригласить на сцену тебя и в твоём присутствии разыграть трагедию. Но – завтра. Справишься с ролью?

Капитан. Постараюсь. А плохая новость?

Дед. Я к боцману заходил. Витек, моторист мой, там. Думаю, лекарствами Гене не поможешь.

Капитан. Покрепче надо?

Дед. Само собой. Ты пойми меня, Саш Палыч, с ним разговаривать надо, а какой же разговор без этого самого...

Капитан. А Гриша справится?

Дед. Обижаешь. Молодая кровь флота. Я за него, как за себя.

Капитан. Молодая кровь, говоришь? Не перехвали. *(Достает из холодильника бутылку водки, протягивает деду.)* Я понимаю, что сейчас не просто разговор нужен, а по душам. А главное, чтобы боцмана разговорить. Он, когда говорить начнет, все для себя и прояснит. Сам для себя. Сумеет твой Витек, такую задачу осилить, как думаешь?

Дед. Я объясню ему. Ты туда не ходи. Отдыхай. И это *(почесал опять горло и бороду)*, не беспокойся...

Капитан. Закуску возьмите... Или это они котлеты умя-

ли?

Дед. Боже сохрани, на своих подумать. Харча полный холодильник. Да она, наверно, ухажера завела и прикармливает, как голубочка.

Капитан. Тогда бы сама скрывала. А что – завела?

Дед. Нет, я фигурально. Кто же в своем экипаже любовь крутит? Служебный роман – сердцу обман. Безопаснее – дыни нюхать.

Капитан. А если эти дыни и на нее как соблазн действуют?

Дед. А если это любовь?

Капитан. А что – бывает...

Дед. Не-ет! Мы бы по борщу определили сразу: сол-персол, разговоров колесо, любовь – она сразу пускает сок. А женщина на виду – по ней все видно.

Капитан. Это верно. Заметили бы. Да я и не против. Если любовь – дай Бог, как говорится, на счастье. Что в кают-компании говорят?

Дед. Старпом-радист вокруг кокши прикалывается. Не любит она разговоры про мужиков и ухаживания, так он при ней и извивается, как змей-искуситель.

Капитан. Что это с ним? Заигрывает?

Дед. Нет. Это он так свою роль старшего помощника играет – отвлекает экипаж от усталости и печали. Вчера рассказывал, как захотела одна повариха женить на себе третьего механика.

Капитан. Нашего третьего – Степана?

Дед. Нет. Наш Степан сам себе пан.

Капитан. Ну, пан-не пан, а баянист завидный. Так что она придумала?

Дед. Приходит радист-артист ко мне просит: отпусти Степана в артелку, повару помочь мясо переложить. Я отпустил. А он – искуситель – с умыслом: чтобы закрыть их там, случайно как бы, типа – замок на двери защелкнулся...

Капитан. Так это у нас, все-таки?

Дед. Не-ет, капитан. Не волнуйся. Это на другом судне было. Дверь захлопнулась, а в артелке температура низкая. Замерзать механик с поварихой начали. Пока их нашли там и открыли, они по пять кило в весе сбросили...

Капитан. От холода?

Дед. Ты чего, друг, не понимаешь? От любви! Моментально у них там любовь вспыхнула, как средство выживания при низкой температуре. Потому и похудели...

Капитан. А повару нашему – Катерине Сергеевне – эта байка зачем?

Дед. А это вопрос не ко мне. Есть, значит, у нее интерес.

Капитан. А Степану, гармонисту-механику?

Дед. Вот. Правильно говоришь. В корень. Вчера в городе, третий механик наш, Степан-баянист, землячку встретил. Вот это любовь! С первого взгляда!

Капитан. Какую землячку? В Тунисе?

Дед. Ну, да, в Тунисе. Чему удивляться? Наш народ сей-

час валом валит из страны: кто на заработки, кто за товаром, кто в музеи походить, а кто в баре посидеть. Как мы вчера. В баре сидели, смотрели, как корейские рыбаки с двумя нашими в рейс провожались. Половину бара к себе переманили, пивом угощали, русскую «катюшу» петь учили. Весело гуляли, скажу я тебе.

Капитан. И вы к ним?

Дед. По-морскому, как учили: бутылку взяли и поздравили хлопцев. А Степан так распелся, что с улицы народ заходил. Ты ж его знаешь – когда гармонь есть.

Дед. Да сам все знаешь: половина африканцев в Советском Союзе учились, женились, лечились, культур-мультик делали – гармонь русская в каждом кабаке теперь есть. Загрустит землячок-морячок наш по родной сторонке, а бармен уже из-под прилавка ему гармонь или балалайку заказывает. Бизнес. Чуткий народ – бармены, изобретательны. Знают черти, чем нашего брата на стакан раскрутить – от музыки мы трезвеем враз и снова питье заказываем. Психология. Представляешь? Сцена в баре. Столики, барная стойка, якорь с русалкой и надписью: «Первый и последний бар!» Только для моряков и для свободных женщин! И мы – заходим...

СЦЕНА В БАРЕ.

Столики, барная стойка, якорь с русалкой и надписью: «EAST STAR. First and last Bar». Трое русских заходят с ули-

цы.

Радист-старпом (*читает надпись*): «Звезда Востока. Первый и последний бар». Это как понимать?

Дед. Объясняю: идешь с причала в город – первый бар. Заходи! Возвращаешься на судно – последний! Не пропусти!

Степа. Пропустим по рюмочке, за море!

Радист-старпом. А народу-то!

Степа. И чего далеко идти? Первый – он и есть главный! Садимся.

Дед. И все наш народ – морсковатый, Степа! Вы слышали, как дышит океан?!

Женский голос. Степа! Попа! Лево! Стопа! Ай ноу раша: Лева-стопо... Сева-стополь...

Радист-старпом. Рули на голос, дед!

Дед. Не суетись. Мы медленно-медленно, как по классике сказано...

Радист-старпом. Бычара ты старый, не теряй время, его у нас просто нет, а так много успеть хочется...

Степа. Правда, дедушка, – чего время терять?

Дед. Успеем. (*Садятся за столик. Огладываются.*) Медленно включаемся в отдых.

Радист-старпом. Как солдат в противогаз.

Степа. Так пиво не принесли еще.

Дед. Уже несут, видишь.

К столу идут двое: официант несет пиво, чернокожая африканочка – улыбку и грудь, выглядывающую из белой

блузки.

Элизабет. Вы – русски? Я знаю три русски слова: ЛЕВО! СТОПА! СЕВАСТОПОЛЬ! Губы ее смеялись над нами, дразня кончиком языка меж двумя жемчужными рядами зубов. Похоже, она просто одурманивала нас, и верить ей было нельзя. Но грудь и улыбка делали свое дело, и мы были согласны обманываться. Говорила она на смеси английского с русским:

Элизабет. Меня зовут Элизабет.

Радист-старпом. Шоколадная?

Элизабет. Чоколада, чоколада! (засмеялась.) Один русски дедушка Мурманск говорил мне: «Моя батерфляйчика-бабочка...». Лево! Стопа! Сева-стополь! (Протанцевала бедрами и грудью.)

В баре зажглись огни и яркая вывеска «Звезда Востока» с неоновыми фигурами девушек на фоне неоновой фонтана и улыбающегося неоновой кита. Джаз-бэнд гремел, заывая трубой, мелодией плачущей львицы, словно последний раз в жизни.

Корейско-рыбацкое застолье набирало обороты. Стали очевидны лидеры – одетый во все черное (брюки, рубашка, черная шляпа под киногероя) кореец и белокурый полноватый парень, с улыбкой и висящими усами пройдохи-хохла. Чувствовались определенные традиции компании – знать сидели не первый раз. Говорили на смеси корейского, английского, русского, не особенно заботясь о понимании. Но гово-

рили от души, от души раскланивались и улыбались. Произнеся тост, выпивали стоя и начинали разноголосно петь либо вальс «На сопках Манчжурии», либо «Катюшу». Это было как восточный обмен любезностями. Ритуал. Первую песню – «Тихо вокруг, сопки покрыты мглой...» – пели возвышенно, осторожно переплетая слова, корейские и русские, и чьи-то «мыы-мамаа-а» без слов, мягкие и замирающие, как ночной шелест. Вторую песню, страшно уродуя произношение, старались воспроизводить на русском: «Расцветали яблони и груши...». Старались. Но хохол, видать, и в море и за столом не прощал халтуры и входил в азарт:

Хохол. Учитесь, кореезы! – Радостно кричал и обнимал рядом сидящих друзей-корейцев. – Камсамида², корееза-сан! Учитесь, мореманы! Если выучите все слова правильно – я плачу за сегодняшний стол!

Второй славянин из корейского экипажа. Мы платим! Потому как моряки – эта лучшая нация!

Хохол. Это смесь всех времен и племен человеческих – вместе! – подхватывал первый.

Кореец в черной шляпе. Together! Месте! – кричал улыбаясь и показывая вверх большой палец.

Хохол. Всем запоминать слова: «Ой, ты, песня, песенка девичья, ты лети за ясным солнцем вслед и парнишке в море безграничном от Катюши передай привет»... Не «ясы соце сед», а «ясным солнцем вслед». Солнце – the Sun – Ke по-

---

² Спасибо

корейски, понимаешь? Давай, мужики, еще раз... Подпевай за мной!..

Получалось то хуже, то лучше. Кореезы улыбались и тоже радовались: Drink! To us – from ocean! To ouers best condition – together! To Catyusha!³ «...пусть он вспомнит девушку простую, пусть услышит, как она поет...»

– Молодцы, кореезы! – стонал вислоусый и обнимал корейца в шляпе. Шляпа сначала сдвинулась на затылок, потом упала, оголив лысину «киногероя». – Катюша – это моя родина. Россия – Корея, понимаешь? Моя мама. Девушка моя – Катюша. Понимаешь, мастер Ли?!

Мастер Ли отбросил шляпу, забыл про лысину, расчувствовался и повторял:

– Катюша-Корея... Катюша-мама... Девочка моя...

– Камсамида, мастер Ли... За Корею и Россию.

Когда компания пела, джаз-банд пытался аккомпанировать и всячески выражать симпатию. Товарищ вислоусого хохла поднялся в очередной раз, нащупал глазами джазменов и показал руками и пальцами клавиши и меха воображаемой гармонии. Те поняли и притащили откуда-то настоящий баян, может проданный за стакан водки загулявшим славянином, а может, забытый в угаре моряцкой драки. Товарищ хохла присел, тронул меха, но пробежать пальцами не получилось – он сконфуженно показал три обрубленных пальца правой руки. «Простите, хлопцы! Забыл, дурак, что

---

³ Пьем! За нас – с океана! За наше лучшее состояние – вместе! За Катюшу!

их нет, а они же у меня так играть просятя!/? Три сыночка мои...». – И заплакал.

Степа (*бережно отстраняя шоколадную Элизабет, поднялся над столом.*) А ну, землячок, дай душу расправить! (*и протянул руки к гармонии.*)

Шум в баре притих на пол тона, и все смотрели, как гармонь передавали из рук в руки, над столами и между людьми. Несколько раз при этом меха издавали всхлипы и вздохи, будто была гармонь живая и помнила, как поцелуй, три пальца-обрубка на клавишах.

Степа не стал ждать, пошел навстречу ей, получил и приладил на грудь, будто девушку прижал и обнял. И вдруг, не давая никому опомниться или усомниться, смирная секундную тишину и тарелочный звон, Степа потянул меха, побежал пальцами сверху вниз и опять вверх, и знакомая мелодия заплакала по-русски: «Раскинулось море широко, и волны бушуют вдали, товарищ мы едем далеко, подальше от русской земли...» Корейцы тоже понимали смысл песни про оставленную родину и про «напрасно старушка ждет сына домой...» Вислоусый казался счастливее всех и повторял громко: «Земляки! Славяне! Давай, к нам. Что нам делить? Море? Земляки, – глядя на нашего деда и определяя его как главного среди нас, попросил: – скажи тост!»

Дед не стал томить и сказал просто: «За наших мам, – добавил, – чтобы им не плакать...». Слово стало повторяться и множиться звуками и взаимным пониманием, буд-

то все, каждый на своем языке, услышал, произнес, и понял дорогой каждому смысл. Все встали и выпили стоя. Кореец долго говорил на корейском и потом запел. Мелодией песни напоминала нашу, есенинскую: «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...». Девочки-проститутки сидели смиренно, грустили, будто жили одну жизнь вместе со всеми. Кто-то успокаивал, целуя, смотрел в глаза, пытаясь унять моряцкую боль. Этот бар был похож на заплеванное чистилище грешников и храм для молитвы смертных. Смертные молились, поднимая бокалы с разбавленным виски и роняя пепел с обгоревших сигарет, а грешницы расстегивали морякам ворота летних рубаш и целовали загорелые груди и шеи, шептали слова на непонятном языке, унося в поцелуях угасающие блики сознания, печали, восторга...

«Розпрягайте, хлопці, коней, тай лягайте спочивать», — загрузила гармонь.

Степа рубанул меха и запел громко и чисто: «...а я піду в сад зелений...». Вдруг чистый девичий голос подхватил с улицы: «...в сад криниче-еньку копать...». Степа встрепенулся, как конь на привязи, но бежать уже не нужно было, ибо девица явно южнорусского происхождения вошла в бар и остановилась, выискивая поющего глазами. Степа встретил ее вопросительный взгляд и показал рукой напротив себя, где понятливый кореец уже подставлял ей стул и приглашающе улыбался.

Женищина, было ей лет за тридцать, полнолицая, загоре-

лая, с живым белым цветком в черных волнах роскошных волос, смотрела на Степу с баяном, как на долгожданного родственника, ибо никого не замечала более.

Он сам налил себе и ей водочки. Подал. Пододвинул тарелку с рыбой: «Звеняй, бо нема ни огиркив, ни сала». – Поднялся над столом: «За дом, та дивчину в ём». – Улыбнулся ей, и оба выпили медленно, продолжая поедать друг друга глазами. Она хватала ртом воздух в поисках подходящей закуски, а он осмелел, протянул руки и обнял ее: «А чи не лучшая закуска – поцелуй?!», – и она только засмеялась в ответ и подставила губы. Крепко и откровенно. А когда он отпустил ее – трудно было тянуться через стол – она упала на стул и заплакала, уронив лицо в ладони.

Это была хорошая минута! Джазмены заиграли аргентинское танго, пары потянулись из-за столов...

Ночь подходила к концу. Мы давно перемешались в компании корейцев и соотечественников. Есть это понятие «облегчить душу». А чем ее облегчить? Рассказать об опустевших родных причалах, городах без света, женищинах-челночницах и таможенных кордонах на Керченской переправе? Не нужна эта правда позорная. Не поможет душе.

Но не можем без слов о политике. Сидит в нас этот ген – ответственности и боли. И мы колуем его, как гнойную рану, пока не пойдет кровь:

– Почему Севастополь отдали?

– Да что Севастополь, когда целую страну, как семью,

разрезали. Брат – в Казахстане, сестра – в Прибалтике, могилы родителей – в Крыму остались...

– Демократия! Теперь достаточно, чтобы «адвокат шустрый попался», а «честь и совесть» – теперь не в моде.

– Нет потому что такого субъекта – «родина», есть – «государство».

– Государство чиновников и политиков. Они его кроют и обрезают, подгоняют под себя, как костюмчик. Плох будет – другой найдут...

– На Кипре...

– Ты тоже не дома.

– Я дело свое знаю и делаю. И только «при деле» я нужен и семье, и стране, если об этом речь. И себя не уроню.

– Ты из дома ушел, потому что там тебе копейки платят.

– Там ничего не платят. А я – мужик. Мне семью кормить надо. И ждать, когда государство обо мне вспомнит, не буду. А если отдельно от него выгляжу, так это оно меня изжевало и выплюнуло. И меня, и тебя. Только без нас это и не государство уже, а свалка. Дурное место. Безрадостное и пустое пространство. Оно обескровило без нас. Жить перестало. Как океан, когда был бы, представь, без чаек, рыб и кораблей. Мы – кровь!

– Резон.

– Каждый живет свой вариант. Выбирает свой риск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.